

к III 1246686

Николай Клюевъ.

Братскія пѣсни.

(КНИГА ВТОРАЯ).

Вступительная статья

В. СВЕНЦИЦКАГО.

Изданіе журнала „НОВАЯ ЗЕМЛЯ“
Москва, 1912.

к III 1246686

Николай Клюевъ.

Братскія пѣсни.

(КНИГА ВТОРАЯ).

Вступительная статья

В. СВЕНЦИЦКАГО.

Изданіе журнала „НОВАЯ ЗЕМЛЯ“.

Москва, 1912.

М О С К В А.

Типографія п./ф. „Ломоносовъ“ 1-я Тверск.-Ямск., д. 20.
1912.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ.

Въ области человѣческаго духа бываютъ явленія, которыя почти невозможно подвести подъ обычные общепринятые понятія.

Творчество Николая Клюева принадлежитъ именно къ числу такихъ явленій.

Назвать его: „художникомъ“, „поэтомъ“, „писателемъ“, „пѣвцомъ“ — значитъ сказать правду и неправду. Правду—потому что онъ „художникъ“, и „поэтъ“, и „писатель“ и „пѣвецъ“.—Неправду—потому, что онъ по своему содержанію безконечно больше всѣхъ этихъ понятій.

Даже наиболѣе идущее къ нему слово „религіозный“ въ наше время всяческихъ подделокъ и лжи, звучитъ безнадежно—безцвѣтно.

„Пѣсни“ Николая Клюева—это пророческій гимнъ Голгооѣ.

Говорю „пророческій“—потому что въ нихъ раскрывается вся полнота новаго „голгооска-

го“ религіознаго сознанія, не только мученичество, не только смерть—но и побѣда, и воскресеніе.

Въ нихъ звучить откликъ тѣхъ лѣсенъ, которыя пѣли мученики Колизея и древніе братья на испанскихъ кострахъ,—но въ нихъ же слышится новый, вдохновенно-радостный толкъ прощению земли, освобожденнаго міра.

Это не выдумка—это живой опытъ, это творческое прозрѣніе. Здѣсь уже не только литература, не только „стихи“—здѣсь новое религіозное откровеніе.—Если хотите „поэзія,—но въ какомъ-то вышемъ смыслѣ, когда поэтъ становится пророкомъ.

„Пѣсни“ Клюева по содержанію своему имѣютъ еще два основныхъ начала:

Вселенское, въ томъ смыслѣ, что въ нихъ выражается не односторонняя правда то-то или иного „вѣроисповѣданія“, а общечеловѣческая правда полноты вселенскаго религіознаго сознанія.

И національное, въ томъ смыслѣ, что раскрывается это вселенское начало въ чертахъ глубоко русскихъ, если можно такъ выразиться

плотинныхъ, черноземныхъ, подлинныхъ, національныхъ.

Въ настоящей вступительной статьѣ я ставлю себѣ задачей раскрыть голгоуское содержаніе „Иѣсенъ“ Николая Клюева, и показать въ чемъ лежитъ внутренній смыслъ его новыхъ откровеній.

Міровой процессъ,—это постепенное воплощеніе „Царствія Божія на землѣ“,—постепенное освобожденіе земли отъ рабства вѣшняго: господства однихъ надъ другими, и рабства внутренняго: господства страданія, зла и с е р т и. „Освобожденіе земли“ на языкѣ религіозномъ должно быть названо и с к у п л е н і е м ъ. Путь къ этому освобожденію долженъ быть названъ г о л г о о с к и м ъ. Не дано „искупленіе“, какъ подвигъ единого Агнца—оно дастся, какъ уцѣле всей з е м л и. Голгооа-же Христа первое слово освобожденія, первый Божественный призывъ обращенный къ землѣ:—взять крестъ и идти на распятіе,—не въ муку вѣчную, а въ жизнь вѣчную. Исторія міра,—это

VIII

восхождение на лобное мѣсто, это позорная казнь на крестѣ, это „Боже мой! Боже мой, вскую оставилъ Мя еси“, это предсмертныя муки Богочеловѣка и всепокоряющая радость Воскресенія.

Пониманіе искушенія, какъ творческаго усилія в с е й з е м л и, и мірового процесса—какъ Голгообы—ведетъ къ двумъ основнымъ выводамъ:

Новому ученію о всеобщей отвѣтственности.

Новому ученію о будущей жизни.

„Каждый изъ насъ за всѣхъ виновать“ (мысль Достоевскаго), это лишь робкій намекъ на правду.

Голгооское пониманіе жизни раскрываетъ больше: не за всѣхъ виновать, а во всемъ виновать. Каждое позорное пятно на совѣсти ч е л о в ѣ ч е с т в а—позорное пятно и на м о е й с о в ѣ с т и. Каждый постыдный поступокъ, м о й—постыденъ для в с е й з е м л и. Если „освобожденіе“ общее—„искушеніе“ общее, то и грѣхъ и преступленіе—о б щ е е д ѣ л о.

Для голгооскаго сознанія нѣтъ чужихъ

грѣхонъ, чуждыхъ страданій. Я—убійца, я—растлитель, я—осквернитель свѣтлыхъ ризы Божіи. Но я—же плачу кровавыми слезами раскаянія, я—свершаю великій подвигъ любви, я—вхожу на костеръ за Правду, я—приношу свою агничю кровь во искушеніе опозоренной земли.

Отнынѣ уже нельзя наслаждаться своей „справедностью“. Какъ бы ни былъ я „чистъ“—руки мои въ крови, какъ бы ни былъ я „цѣломудренъ“—это я втаптываю въ грязь женщину въ позорныхъ домахъ,—какъ бы ни былъ я „кротокъ“—это я покрылъ землю тюрьмами и кандалами. И по оскверненной, окровавленной землѣ—я же иду съ крестомъ въ вѣнцѣ терновомъ,—во имя освобожденія.

Въ „дѣснахъ Николая Клюева, раскрывается съ потрясающей глубиной—этотъ голгооскій путь земли. Поэту путемъ созерцанія дается—то, что религіозному сознанію—дается умозрѣніемъ.

Но еще ближе для него грядущее.

То что я назвалъ „будущей жизнью“. Здѣсь особая новизна его, и особая сила,

Х

которую,—съ сознаниемъ всей отвѣтственности этого слова,—можно назвать пророческой. Николай Клюевъ, какъ бы живетъ уже этой новой жизнью, а не только „предчувствуетъ“ ее, не только „догадывается“ о ней.

Если бы въ доисторическія времена, когда зарождалась на землѣ жизнь, можно было бы рассказать „клеточкѣ“, что изъ нея создается человѣкъ и вся современная жизнь—все это представилось бы ей, какъ сплосное безуміе.

Такимъ же безуміемъ представляются современному человѣку „вѣсти“ о грядущемъ Царствіи Божіемъ.

Обыкновенный, живущій „настоящимъ“ человѣкъ можетъ представлять себѣ будущее въ знакомыхъ ему формахъ, усложняя и видоизмѣняя ихъ. Онъ можетъ вообразить себѣ новыя машины, летательные аппараты, новый флотъ, армію, общественный строй.

Представить себѣ новую матерію, и совершенно иную жизнь онъ не можетъ.

Но это безуміе, какъ непреложная истина дается въ религіозномъ опытѣ, это будущее

утверждается религіознымъ сознаниемъ и раскрывается религіозной поэзіей.

И уже сказать, что пониманіе искупленія, какъ творческаго успія всей земли, ведетъ къ новому ученію объ общей отвѣтственности къ новому пониманію Голгофы.

Оно же даетъ и новое пониманіе будущаго, какъ Царствія Возія на землѣ, какъ новой жизни—въ новой плоти, неподчиненной законамъ тлѣнія и смерти.

Измѣненіе матеріальныхъ формъ не есть только процессъ механическій, внѣшній,—это есть процессъ внутренний, результатъ нравственныхъ успій, измѣняющихъ самую сущность матеріальной основы, приближающей время качественного измѣненія матеріи. Вся тварь должна услышать Евангеліе (благую вѣсть). Вся тварь должна стать свободной, т. е. вся матерія должна получить безсмертіе, какъ результатъ окончательнаго искупленія.

Вотъ этой то новой жизнью, въ новыхъ формахъ и живетъ Николай Клюевъ, объ ней-то и поетъ свои лучезарныя пѣсни...

XII

Соберутся племена под смоковичныя купы.
Горнія росы увлажкаты палице дучи дня.
Среброкрылыя врачы братьямъ перевязкутъ раны.
Воспоетъ небесный хоръ.

„Язени Царь Дорносимый“, дн сынов-
ныхъ видимъ глазъ, восседеть в вечерь съ
людьми.

„Духъ животными крылами
Прикоснется къ мертвецамъ,
И завѣса въ пыльномъ храмѣ
Раздерется пополамъ“.

И вотъ все стало поемь,—ибо старому
уже нѣтъ“.

„Стали плетью мы заката зариныя, поше-
бесныхъ облакъ-тучь волныя“.
„Раздвѣвотъ съ нами бранна серафимъ, ослышотъ насъ
крылами легче дыма“.

„Нани лица зариныя брани, молоры дуч-
нстѣй ризы нани“.
„За синной шестъ, крель-
евъ легковѣйныхъ, на кудрахъ вѣнца нль
звѣздъ вечернихъ“.

Явится новый „чудный храмъ“, въ кото-
ромъ свѣчи—зори. Предъалтарный фиміамъ—
туманы дремлющихъ норѣй... Роса напоитъ

возжаждавшія травы, дымныя дубравы одѣнут-
ся въ заревые пояса. „Продлится мигъ, какъ
долгій вѣкъ, взойдутъ невѣдомые свѣты“. И
люди сойдутся „служить Заутреню любви,
вкусить кровей живого хлѣба“.

Вѣнецъ же всего, вѣнецъ славы, вѣнецъ
освобожденія земли в с е о б щ е е п р о щ е н і е.

Быль общій грѣхъ. Голгова была всечело-
вѣческая. Будетъ и всемірная радость.

„Гробовой избѣгнувъ кѣтти,
Сопричастники живымъ,
Мы убійць своихъ привѣтнимъ
Цѣлованіемъ свитымъ...“

Миръ вамъ страпники-собратья,
И въ блаженствѣ равный пай,
Муки нашего расіятыя
Вамъ открыли свѣтлый рай.

И враги, дрожа, тоскуя,
Къ намъ на груди припадуть,—
Аллилуйя, аллилуйя—
Камни горъ возошіютъ“...

XIV

Пророческія „дѣсни“ Николая Клюева—навсегда изгоняютъ изъ человѣческаго сердца страхъ, слабость, уныніе: кто видитъ передъ собой новый нетлѣнный храмъ,—тому не кого бояться, тотъ навсегда дѣлается воинъ Христовымъ. Вотъ почему „дѣсни“ Клюева—это гимны братьевъ-воиновъ.

„Ихъ откинуты забрала.
На кольчугахъ крестъ горитъ.
И ни адъ, ни смерти жало
Духоборцевъ не страшитъ“.

Пусть „за непреклонные врата“ проникаютъ лишь тѣ, „на комъ голгооскаго креста печать высокая сіяетъ“. Мы не боимся Голгофы. Мы съ радостью беремъ вѣнецъ терновый, съ радостью, какъ мученики Коллизея, идемъ на арену жизни—идемъ завоевывать свободу, некупленіе, безсмертіе—с в я т о й , но опозоренной з е м л ѣ.

В. Свенцицкій.

ОТЪ АВТОРА.

„Братскія пѣсни“—не есть мои новыя произведенія. Въ большинствѣ онѣ сложены до первой моей книги „Сосенъ перезвонъ“, или въ одно время съ нею. Не вошли же онѣ въ первую книгу потому, что не были записаны мною, а передавались устно или письменно помимо меня, такъ какъ я, до сихъ поръ, рѣдко записывалъ свои пѣсни, и нѣкоторыя изъ нихъ исчезли изъ памяти.

Восстановленные уже со словъ другихъ, или изъ постороннимъ запискамъ, пѣсни мои и образовали настоящую книжку.

Николай Клюевъ.

БРАТСКІЯ ПЪСНИ.

БРАТСКАЯ ПѢСНЯ.

Поручилъ ключи отъ ада
Намъ Вселюбящій стеречь,
Наша крѣпость и ограда —
Серафима грозный мечъ.

Градъ нашъ терпѣемъ украшень,
Безъ кумиренъ и палатъ,
На твердыняхъ свѣтлыхъ башенъ
Братья-воины стоятъ.

Ихъ откинуты забрала,
На кольчугахъ крестъ горитъ,
И ни адъ, ни смерти жало
Духоборцевъ не страшитъ.

Кто придетъ въ нетлѣнный городъ,
Для вражды неуязвимъ,
Всякъ собратъ намъ, старъ и молодъ,
Земледѣль и шилигримъ.

Нашъ удѣль—вѣнецъ терновый,
Ослѣпительнѣй зари.—
Мы—соратники Христовы,
Преисподней ключари.

Ада пламенные своды
Разомкнуть дано лишь намъ,
Человѣческіе роды,
Повести къ живымъ рѣкамъ.

Крестъ цѣлящій, крестъ разящій,
Намъ водитель и завѣтъ.
Братъ, на гноищѣ лежащій,
Подымись, Христось грядеть!

Онъ не въ нищенскомъ хитонѣ,
И не съ терномъ вокругъ чела...
На разсвѣтномъ небосклонѣ
Плещуть ангеловъ крыла.

Ихъ заоблачные гимны,
Какъ прибой морей звучать...
Звякнулъ ключъ гостепріимный
У предвѣчныхъ рай вратъ.

Осѣнюсь могильною иконкой,
Накормлю малиновокъ кутьей,
И съ клюкой, съ дорожною котомкой,
Закачусь въ туманъ вечеровой.

На распутяхъ дальняго скитанья,
Какъ пчела медвяную росу,
Соберу пѣвучія сказанья,
И тебѣ, родимый, принесу.

Въ глубинѣ народной не забытымъ
Ты живешь, кровавый и святой...
Опаленнымъ, сгибнувшимъ, убитымъ,
Всѣмъ покой за дверью гробовой.

Какъ звѣздѣ, пролетной тучкѣ,
Мнѣ отчизна—синева.
На терновника колючкѣ
Кровь, замѣтная едва.

Кто прошелъ стезею правой,
Не сомкнувъ хвалебныхъ усть?
Шелестить листвою ржавой
За окномъ колючій кустъ:

„Чтобъ на Божьемъ аналоѣ
Сокровенное читать,
Надо тѣло молодое
Крестнымъ терномъ увѣнчать“.

Мы съ тобою, сестра, боязливы и нищи
Будемъ въ морѣ людскомъ сиротами стоять,
Ты печальна, какъ вѣвы родного кладбища,
И на мнѣ не изглажена смерти печать,

Содрогаясь, мы внемлемъ Судьи приговору:
„Истребися“. „Воскресни“. „Возстань и жи-
ви“ ...

Кто-то шепчетъ тебѣ: „къ серафимовъ собору
Вы причислены оба—за подвигъ любви“.

И пойму я, что минуло царство могилы,
Что за гробомъ припалъ я къ безсмертья
ключу.

Воспаряшь ты къ лазури свѣтла, шестикры-
ла,—

Молодшей просіявъ, я во стѣдъ полечу.

Въ Моемъ раю обитель есть,
Какъ день лазурно безнотемна,
Гдѣ лезвія не точить мечь,
Гдѣ не выносятъ труповъ волны.

За непреклонные врата,
Лишь тотъ изъ смертныхъ проникаетъ,
На комъ голгоѣскаго креста
Печать высокая сіяетъ.

Тому въ обители Моей
Сторицей горести зачтутся,
И слезы высрешнихъ очей,
Для всезабвенія утрутся.

Онъ не воротится назадъ—
Нерукотворныхъ сѣней житель,
И за него, въ тиши палатъ
Не разъ содрогнется мучитель.

Ахъ, вы други-полюбовные собратья,
Обряжайтесь въ одежду—въ цвѣтно платье.

Снаряжайтесь, умывайтесь бѣленько,
Расцвѣчайтесь, какъ зорюшка, аленько,

Укрѣнитесь, собратья, хлѣбомъ-солью,
Причаститесь незримой Агнчѣей кровью!

Какъ у насъ-ли, други, пыгѣ радость:
Отошли отъ насъ болѣзни, смерть и старость.

Стали плотью мы заката зарянѣ,
Поднебесныхъ облакъ-тучъ вольнѣ.

Раздѣляютъ съ нами брашна серафимы,
Осѣняютъ насъ крылами легче дыма.

Сотворяють съ нами знаменіе-чудо,
Возлагають наши душеньки на блюдо,

Духъ возносятъ серафимы къ Саваоу,
Тѣлеса на Иисусову голгооу.

Мы въ раю вкушаемъ ягодъ грозди,
На землѣ-же тершимъ крестъ и гвозди,

Перебиты наши голени и ребра...
Ей, гряди ко стаду, Пастырь добрый!

Аминь.

Сердцу сердца говорю:
Близки межн роковыя,
Скоро вынесетъ ладью,
На просторы голубые.—

Не кручинься и не плачь,
Необъятно, и бездумно,
Крестъ, голгофа и палачъ—
Все такъ ново и безумно.

Не того въ отшедшемъ жаль,
Что надеждамъ измѣнилось,
Жаль, что родины печаль
Жизни море не вмѣстило.

Что до дна замечено
Зарубежныхъ вьюгъ снѣгами,
Рокоча, какъ въ старь, оно
Не заспоритъ съ берегами.

О, поспѣшите, братья, къ намъ,
Въ нашъ чудный храмъ, гдѣ зори—свѣчи,
Гдѣ предъалтарный фиміамъ—
Туманы дремлющихъ порѣчій!

Слѣшите къ намъ, пока роса
Поить возжаждавшія травы,
И въ заревые пояса
Одѣты дымныя дубравы.

Служить Заутреню любви,
Вкусить кровей, живого хлѣба...
Кто живъ, души не очерствя
Для горнихъ трубъ и зововъ неба!

Въ передразвѣтный тайный часъ,
Подъ заревыми куполами,
Какъ лѣтній дождь сойдетъ на насъ
Всеомывающее пламя.

Продлится мигъ, какъ долгій вѣкъ...
Взойдутъ невѣдомые свѣты.
У лучезарныхъ райскихъ рѣкъ
Сойдемся мы въ виссонь одѣты.

Довѣрясь радужнымъ ладьямъ,
Мы поплывемъ, минуя мысы...
О, поспѣшите, братья, къ намъ
Въ нетлѣнный садъ, подъ кипарисы!

О, ризы вечера, багряно-золотыя,
Какъ ярое вино пьяните вы меня!
Отраднѣе душѣ развалины сѣдя,
Тумановъ—вѣстниковъ разсвѣтнаго огня.

Горите же мрачнѣй, закатныя завѣсы!
Идетъ Посланецъ Силь, чтобъ сумракъ
одолѣть;
Пусть въ безднахъ темноты ликуютъ ночи
бѣсы,
Отгуломъ вторить имъ орудій злая мѣдь.

Звонче топоры покоятъ передъ разсвѣ-
томъ,
Отъ эшафота тѣнь чернѣй—передъ за-
рей...
Одежды вечера пьянятъ багрянымъ цвѣ-
томъ,
А саваны утра покоятъ бѣлизной.

НА КРЕСТЪ.

I.

Лѣстница златая
Прянула съ небесъ.
Вижу, умирая,
Райскихъ криновъ лѣсъ.

Въ кущахъ братья—духи,
Свѣтель ликъ, крыло...
Ладанъ черемухи
Съ вѣтромъ донесло.

Лоскуты рубахи
Треплются у ногъ...
Камни шепчуть въ страхѣ:
„Да воскреснетъ Богъ!“

II.

Гвоздяныя ноютъ раны,
Жалятъ терни чело.
Чу! провѣяло въ туманѣ
Серафимское крыло.

Къ моему ли, горній, древу
Перервать томленья нить,
Иль нечающую дѣву
Благовѣстьемъ озарить?

Ночь глуха и безотзывна,
Ко кресту утраченъ слѣдъ.
Гдѣ ты свѣтлая отчизна—
Мой Фаворъ и Назаретъ?

Путь надмірний совершая,
Посѣти меня родная,
И съ любовью
Къ изголовью,
Какъ бывало, припади.

Я забуду смерти муку,
Съ жизнью скорую разлуку,
Прозрѣвая,
Съ вѣрой чая,
Кущи рая впереди.

Не отринь меня, Царица,
Ангель, Дѣва, Духъ и Птица,
Одинокимъ не оставь!
Предавая тѣло Змѣю,
Я затишья вожделью
Кншарисовыхъ дубравъ.

Нераздѣльные судьбою,
Мы увидимся съ тобою
Средь лазоревыхъ полей.
И, грозы кровавымъ жаломъ,
На триумфъ запоздаломъ
Защипитъ тлетворно Змѣй.

„Безотвѣтнымъ рабомъ
Я въ могилу сойду,
Подъ сосновымъ крестомъ
Свою долю найду“.

Эту пѣсню пѣвалъ
Мой страдалецъ-отецъ,
И по смерти завѣщаль
Допѣвать мнѣ конецъ.

Но не стономъ отцовъ
Моя пѣснь прозвучить,
А раскатомъ громовъ
Надъ землею пролетить.

Не безгласнымъ рабомъ,
Проклиная житье,
А свободнымъ орломъ
Допую я ее.

ЛѢСЪ.

Какъ сладостный органъ десницею небес-
ной
Ты вызванъ изъ земли, чтобъ бури ути-
шать,
Живымъ дарить покой, жильцамъ могилы
тѣсной
Несбыточные сны дыханьемъ навѣвать.

Твоихъ зеленыхъ волнъ прибой тысячеуст-
ный,
Подъ сводами души рождаетъ смутный
звонъ,
Какъ будто моряку, тоскующій и грустный,
Съ родимыхъ береговъ доносится поклонъ.

Какъ будто въ зыбяхъ хвой рыдаютъ сера-
фимы,
И тяжки вздохи ихъ и гуль скорбящихъ
крыль,
О томъ, что Саваоѣ броней неуязвимой
Отъ хищности людской тебя не оградили.

По трошѣ-дороженькѣ,
Могота-ль брести?..
Ой, вы, руки, ноженьки,—
Страдные пути!

Въ старину по кладочкамъ
Тачку я каталъ,
На привалѣ давеча
Вспомнилъ,—зарыдалъ.

На заводскомъ промыслѣ
Жизнь не дорога...
Ой, вы, думы-розмысли,
Тучи, да снѣга!

Отгуль колоколовъ, то полновѣсно-четкй,
То дробно-золотой, колдуетъ и пьянитъ.
Кто этотъ, въ сторонѣ, величественно-крот-
кй,
Въ одеждѣ пришлеца, отверженнымъ стоитъ?

Его встрѣчаю я во храмѣ, на проселкѣ,
По виду нищаго, въ лохмотьяхъ и въ пыли,
Дивясь на язвы рукъ, на жесткія иголки,
Что свѣтлое чело короной оплели.

Ужели это „Онъ?“ О, сердце,—бейся тише!
Твой трепетный восторгъ гордынею ро-
ждень;—
По комъ томишься ты, тотъ въ полумракѣ
ниши,
Поруганный мертвецъ, ко древу пригво-
ждень.

Безчувственному чуждъ Пришелець вели-
чавый,
Служитель передъ Нимъ тимьяна не ку-
рить,
И кутаясь во мглу, какъ исполинъ костля-
вый,
Съ дыханьемъ льдистымъ смерть—очей
Его обжить.

Не оплакано бывое,
За любовь не прощено.
Береги, дитя, земное,
Если неба не дано.

Объ оставленномъ не плачь ты,—
Впереди чудесъ земля,
Устоять подъ бурей мачты,
Грудь родного корабля.

Кормчій молодъ и напѣвень,
Что ему бурюнь, скала?
Изо всѣхъ морскихъ царевень,
Только ты ему мила.—

За глаза изъ изумруда,
За коралды на губахъ...
Какъ душа его о чудѣ,
Плачетъ море въ берегахъ.

Свой корабль за мнѹ сѣдую
Не устанетъ онъ стремить,
Чтобы сказку вѣтровую
На яву осуществить.

ПѢСНЯ ПРО СУДЬБУ.

I.

Изъ-за лѣса—лѣсу темнаго,
Изъ-за садика зеленаго,
Не ясенъ-соколъ вылетываль,—
Добрый молодецъ выѣзживаль;
По одежи онъ купецкій сынъ,
По обличью парень-пахотникъ.
Онъ подѣхаль во чистомъ полѣ
Ко ракитовому кустику,
Съ корня сламываль три прутика,
Повыстругиваль три жеребья.
Онъ слезаль съ коня иѣганаго,
Становился на прогалинѣ,

Черной земли низко кланяясь:
„Прорѣки-ка, мать—сыра земля,
Съ волчнякомъ—травой, съ дубровою,
Мнѣ какой, заочно суженый,
Изо трехъ повьбратъ жеребій?
Первый жребій—быть лапотникомъ,
Тихомудрымъ, чернымъ пахаремъ,
Средній—духомъ ожелѣзиться,
Стать фабричнымъ горемыкою,
Третій—рай высокій, мысленый,
Добру молодцу дарующій,
Тамъ рѣка течетъ животная,
Вѣютъ воздуха безбольные,
Младость рѣзвая не старится,
Не сѣдѣютъ кудри-вихори“.

II.

Мнѣ сказали—Свѣта вѣкъ не видать,
Бѣлый Свѣтикъ и теперь во глазахъ.

Я возьму каленовострую стрѣлу,
На полетѣ звонкоперой накажу:

„Не кровавъ стрѣла зубчата острія,
Ни о звѣря, ни о малаго червя“.

Не послушалась каленая меня,
Полетѣла за туманныя моря.

За морями синій камешекъ лежитъ,
Изъ-подъ камня быстра рѣченька бѣжитъ,

Вдоль по рѣчкѣ лебедь бѣлая плыветъ,
Выше берега головушку несетъ,

Выше лѣса крылья взмахиваетъ,
На себя водицу всляскиваетъ.

Угодила звонкоперая стрѣла
Въ жилу смертную лебяжьего крыла.—

Дрогнулъ берегъ, зашатался лѣса,
Прокатилися по взгорьямъ голоса:

„Нынѣ, други, сочетался съ братомъ братъ,
Съ бѣлой яблоней—зеленый виноградъ!“

ВАЛЕНТИНЪ БРИХНИЧЕВОЙ.

Заревѣютъ нагорные склоны,
Мглистѣй дали, туманнѣе боръ.
Отъ закатной черты небосклона
Ты не сводишь молитвенный взоръ.

О туманахъ, о сѣверномъ лѣтѣ,
О пустынѣ моленья твои,
Обо всѣхъ, кто томится на свѣтѣ,
И кто ищетъ ко Свѣту пути.

Отлетятъ лебединья зори,
Мракъ и вьюги на землю сойдутъ,
И на тлѣюще-дымномъ просторѣ
Безотзывно молитвы замрутъ.

БРАЧНАЯ ПѢСНЯ.

Бѣлому брату
Хлѣбъ и вино новое
Уготованы.
Помолюсь закату,
Надѣмъ рубище суровое,
И приду на бракъ непозванный.—

Ты узнай меня, Братецъ,
Не отринь меня, одноотчій,
Дай узрѣть Зари Твоей багрянецъ,
Покажи мнѣ Солнце послѣ Ночи.
Я пришелъ къ Тебѣ безъ боязни,
Молоденькій и блѣдный, какъ былинка,

Укажи мнѣ послѣ тѣла казни
Въ Отчіе обители трошнку.
Божій Сынъ, Невидимый Учитель,
Изведи изъ міра тьмы наружной
Человѣка—брата своего!
Чтобъ горѣлъ онъ, какъ и Ты, Прествѣтлый..
Тихимъ свѣтомъ въ сумракѣ ночномъ,
Чтобъ бѣлѣй цвѣтовъ весенней ветлы,
Стала жизнь на поприщѣ людскомъ!

Бѣлому брату
Хлѣбъ и вино новое
Уготованы.
Помолюсь закату,
Надѣмъ рубище суровое,
И приду на бракъ непозванный.

Позабылъ, что въ рукахъ:—
Сердце, шляпа иль трость?..
Зрѣть въ Отчихъ садахъ
Виноградная гроздь.

Впереди крикъ: „нельзя“,
Позади: „воротись“.
И тиха лишь стезя,
Уходящая ввысь.

Не по ней-ли идти?
Можетъ быть, не грѣша,
На лазурномъ пути
Станетъ птицей душа.

„Не жди зари, она погасла,
Какъ въ мавзолейной тишинѣ
Лампада чадная безъ масла“...
Могильный демонъ шепчетъ мнѣ.

Душа смежаетъ робко крылья,
Недоумѣнно смущена,
Предъ духомъ мрака и насилья
Мяется трепетно она.

И демонъ сумрака кровавый,
Трубитъ побѣду въ смерти рогъ.
Смутился кубокъ брачной славы,
И пусть украшенный чертогъ.

Разсвѣта лучь не обагринить
Вино въ бокалахъ круговыхъ,
Пока изъ мертвыхъ не возстанетъ
Гробницѣ преданный Женихъ.

Пока-же камень не отваленъ,
И стража тѣло стережетъ,
Душа безмолвіе развалинъ
Чертога брачнаго поетъ.

ПОЛУНОЩНИЦА.

(Зачало. Возгласъ первый).

Всенощныя свѣчи затеплены,
Златотканныя подножья разостланы,
Воскурень ладанъ невидимый,
Вскольбнулося било вселенское,
Взвѣяли гласы серафимскіе;
Собирайтесь-ка, други, въ Церковь Божию,
Пречудную, пресвятѣйшую!
Собираючись, други, поразмыслите,
На себя поглядите окомъ мысленнымъ,
Не таптея ли въ комъ слово брешное,
Не запачканы-ль гдѣ ризы чистыя,
Легковѣйны-ль крыла свѣтозарныя?
Коль уста—труба, ризы—облако,
Крылья—вихори поднебесные,
То стекайтесь въ Храмъ всѣ безъ боязни!

(Ликъ голосовъ).

Растворитесь врата
Пламеннаго Храма,
Мы—глашатаи Христа,
Первенцы Адама.

Человѣчій бранный родъ
Согрѣшилъ въ Адамѣ,
Мы омыты, вмѣсто водъ,
Крестными кровями.

Намъ дарована Звѣзда,
Ключъ отъ адской бездны,
Мы порвали навсегда
Смерти плѣнь желѣзный.

Вышли въ райскіе луга,
Подъ живые крины,
Гдѣ не чуется Врага
И земной кручины.

Гдѣ смотрѣть Христу въ глаза—
Нашъ блаженный жребій,
Серафимы—образа,
Свѣчи—зори въ небѣ.

(Конецъ. Возгласъ второй).

Наша нива—тверди кругъ,
Колосится звѣздной рожью,
И лежитъ вселенскій плугъ
У Господняго подножья.

Ужъ отточены серны
Для новины лучезарной,
Скоро свяжется въ снопы
Колось дремлюще-янтарный!

(Ликъ голосовъ).

Аминь!

Костра степного взвизы,
Мерцанье высоты,
Бурьяны, даль и нивы—
Россия,—это ты!

На мнѣ бойца кольчуга,
И подвигомъ горя,
Въ туманъ ночного луга
Несу свѣтильникъ я.

Васъ люди, звѣри, гады
Коснется-ль вѣщій крикъ:
Огонь моей лампы—
Безсмертія родникъ!

Все глухо. Точить знаки
Степная саранча...
Передо мной, во мракъ,
Колеблется свѣча;—

Роняетъ сны-картинки
На скатерчатый столъ,—
Минувшаго поминки,
Грядущаго символъ.

Я за гранью, я въ просторѣ
Изумрудно-голубомъ,
И не знаю, степь иль, море
Расплеснулося кругомъ.

Прочь вѣтрила размышленья,
Рифмъ маячные огни,
Вѣтромъ воли и забвенья
Поле—море полыхни!

Чтобъ души корабль надбитый,
Путеводныхъ волень узь,
Не на прошлаго граниты
Драгоцѣнный вынесъ грузъ!..

Колыбельны травъ приливы,
Кругозоръ, какъ моря дно.
Снить ли вѣтеръ? Снять ли швы?
— Я уснулъ давно... Давно.

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ.

Подъ ивушкой зеленой,
На муравчатомъ подножьи травномъ,
Гдѣ вѣтеръ-братикъ насъ въ уста цѣлуетъ,
Гдѣ соловушко свирѣль поетъ-жалкуеть,
Соберемся-ка мы, други-братолюбцы,
Тихомудрой, тѣсною семейкой,
Всякъ съ своей душевною жилиейкой.

Мы вспоемъ-ка, друженьки, взыграемъ,
Глядячи другъ другу въ очи возрыдаемъ,
Что-ль о той приземной долѣ тѣсной,
Объ украшенной обители небесной,
Гдѣ мы въ Свѣтъ Неприступномъ пребывали,
Хлѣбъ животный, воду райскую вкушали,

Были общинки Всещедрой Силы,
Громогласны, свѣтовидны, шестикрылы...
Серафимами тогда мы прозывались,
Молошьёю твари трепетной казались...
Откликались бурей—молвьёю громпой,
Опоясаны броней нерукотворной.

Да еще мы, братики, вспомнимъ,
Духъ утробу брашномъ сладостнымъ накор-
мимъ,

Какъ мы, духи, человѣчью плоть прияли,
Сѣтовязами, ловцами въ мѣрѣ стали,
Какъ рыбачили въ водахъ Геннисарета:
Гдѣ, Ты,—Альфа и Омега, Отче Свѣта?..

Свѣтъ явился, рекъ намъ: „миръ вамъ,
друзи!“

Мы оставили мережи и лачуги,
И пошли во слѣдъ Любви-Свѣта,
Возсіявшаго землѣ отъ Назарета.

Рекъ намъ Свѣте: „съ вами Я во вѣки“...
Обагрятся кровью вашей рѣки.

Плотью вашей будутъ звѣри сыты.
Но въ Умѣ вы Отчемъ не забыты“...
Нынѣ, братники, насъ гонять и безчестять,
Тѣмъ Уму Христову приневѣстять.

Мы восплещемъ, други, возликуемъ,
За одно съ соловкой пожалкуемъ,
Съ вешней швой росно прослезимся,
Въ серафимскій зракъ преобразимся.

— Наши лица заряницы краше,
— Молоньи лучистѣй ризы наши.
— За спиной шесть крылій легковѣйныхъ,
— На кудряхъ вѣнцы изъ звѣздъ вечер-
нихъ.

Мы восплещемъ зарными крылами.
Надъ кручинными, всерусскими полями,
Вдунемъ въ борозды заплаканныя нови
Духъ живой, всепобѣждающей Любви,
И въ награду, друженьки, за это
Вознесутъ насъ крылья въ лоно Свѣта.

НА ОТЛЕТѢ.

1.

Старый домъ зловѣще гулокъ,
Бѣль подь луннымъ серебромъ.
Часъ мечтательныхъ прогулокъ,
Встрѣчь и вздоховъ о быломъ.

Но былому не подвластны—
Мы въ грядущее глядимъ,
Замокъ сказочно прекрасный
Подь луною сторожимъ.

Выйдемъ въ садъ, съ тобою рядомъ
Мнѣ такъ ново, такъ свѣтло.
Подь луны волшебнымъ взглядомъ
Ты, какъ бѣлое крыло.

Оттого ли, какъ въ темницѣ,
Сердцу плачется съ утра,
Что тебѣ—урочной птицѣ
Отлетѣть на Югъ пора?

Иль душѣ повѣрить тяжело,
Что забыть въ саду глухомъ,
Твоего возврата, пташка
Не дождется лунный домъ?

II.

Темнымъ зовамъ не вѣрить душа,
Не летитъ встрѣчу призракамъ почт.
Ты, какъ осень, ясна, хороша,
Только строже и въ ласкахъ короче.

Потянулся съ крикомъ въ отлетъ
Журавли надъ потусклой равниной.
Какъ съ природой, тебя эшафотъ
Не разлучитъ съ родимой кручиной.

Не однажды подъ осени плачъ,
О тебѣ—невозвратно далекой,
За разгульнымъ стаканомъ палачъ
Головою поникнетъ жестокой.

III.

Ты не плачь, моя касатка,
Что на Югъ летѣть пора,
Мнѣ уснуть зимою сладко
Подъ фатой изъ серебра.

Снѣжный боръ отъ вьюгъ студеныхъ
Сироту оборонить,
Сказкой инеевъ узорныхъ
Боль—любовь угомонить.

И когда метель-царица
Допрядетъ снѣговъ волну,
О невѣстѣ-голубицѣ
Я подъ саваномъ вздохну.—

Борь проснется, снѣгъ растаетъ,
Улыбнется небосводъ,
Сердце зимнее взиграетъ
Твой предчувствуя прилетъ.

ПѢСНЬ ПОХОДА.

Исуса крестъ кровавый—
Наше знамя, мечъ и щитъ,
Звѣрь изъ бездны семиглавый
Передъ нимъ не устоитъ,

Братья-воины, дерзайте
Встрѣчу вражескимъ полкамъ!
Пепломъ кося не посыпайте,
Жены, матери, по намъ.

Наши груди—горь уступы,
Адаманты—рамена.
Подъ смоковничныя купы
Соберутся племена.

Росы горнія увлажать
Дня палящіе лучи,
Братьямъ раны перевяжутъ
Среброкрылые врачї...

Въ свѣтломъ лагерѣ побѣды,
Какъ разсвѣтннй вѣтеръ горъ,
Сокрушнвнаго всѣ бѣды,
Воспоетъ небесннй хоръ,—

Херувимы, Серафимы...
И, какъ съ другомъ дорогимъ,
Жизни Царь Дорносимый
Вечерять возсядетъ съ нимъ.—

Винограда вкусить гроздїй,
Для сыновннхъ видимъ глазъ...
Чѣмъ смертельныѣй тернъ и гвозди,
Тѣмъ побѣды ближе часъ...

Духъ животными крылами
Прикоснется къ мертвецамъ,
И завѣса въ пышномъ храмѣ
Раздерется попаламъ...

Гробовой избѣгнувъ кѣти,
Сопричастники живымъ,
Мы убійць своихъ привѣтимъ
Цѣлованіемъ святымъ...

„Миръ вамъ, странники-собратья,
И въ блаженствѣ равный пай,
Муки нашею расиятъя
Вамъ открыли свѣтлый рай“.

И враги, дрожа, тоскуя,
Къ намъ на груди припадуть,—
Аллилуйя, аллилуйя—
Камни горъ возопіють...

.....

Аллилуйя, аллилуйя—
Сонмы силъ возопіють...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вступительная статья В. Свенцицкаго . . .	V
Отъ автора	XV
Братская пѣсня	3
Осѣнюю могильною иконкой	6
Какъ звѣздѣ, пролетной тучкѣ	7
Онъ придетъ! Онъ придетъ	8
Въ Моемъ раю обитель есть	10
Ахъ, вы други полюбовные-собратья . . .	12
Сердцу сердца говорю	14
О, поспѣшите, братья, къ намъ	16
О, ризы вечера, багряно-золотыя	18
На крестѣ. I. Лѣстница золотая	20
„ II. Гвоздяныя ноютъ раны	21
Ты взойди, взойди, Невечерній свѣтъ . .	22
Путь надмірный совершая	24
Безотвѣтнымъ рабомъ	26
Лѣсъ	28
По тропѣ-дороженькѣ	30
Отгулъ колоколовъ, то полноувѣсно-четкій	31
Не оплакано бывое	33
Пѣсня о судьбѣ. I. Изъ-за лѣса—лѣсу тем-	
наго	35
„ II. Мнѣ сказали—Свѣта	
вѣкъ не видать	37

	Стр.
Валентинъ Брхичевой	39
Брачная пѣсня	40
Позабылъ, что въ рукахъ	42
Не жди зари, она погасла	43
Полунощница	45
Костра степного взвивы	48
Я за гранью, я въ просторѣ	50
Вечерняя пѣсня	52
На отлетѣ. I. Старый домъ зловѣще гулокъ	55
„ II. Темнымъ зовамъ не вѣрять душа	57
„ III. Ты не плачь, моя касатка	58
Пѣснь похода	60

Въ редакціи „Новая Земля“ имѣются на складѣ
слѣдующія книги:

ІОНА БРИХНИЧЕВЪ. Апостолы реформаціи
(жизнь и ученіе величайшихъ реформаторовъ).

Ц. 30 к.

ЕГО ЖЕ. Апостолы гуманности и свободы.

Ц. 20 к.

ІОНА БРИХНИЧЕВЪ. Молитвы Вселенской
церкви. Цѣна 1 р.

В. СВЕЩИЦКІЙ. Интеллигенція. Цѣна 1 р.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ. Сосенъ перезвонъ. (Ху-
дожественное воплощеніе новаго народнаго созна-
нія). Предисл. Валерія Брюсова. Цѣна 60 к.

**Отзывы печати о книгѣ Клюева „СОСЕНЪ ПЕРЕ-
ЗВОНЪ“.**

1. Замѣчательная книжка, вышедшая въ Мо-
сквѣ подъ этимъ заглавіемъ, взятымъ изъ одного
изъ ея стихотвореній, самой глубокой, самой желан-
ной радостью наполнить всѣхъ, для кого литература
не только упражненіе въ стилизаціи и стихи не одно
только перекатываніе разноцвѣтныхъ бисеринокъ.
Эта книжка не изъ тѣхъ, чье содержаніе надо
выдѣлывать, какъ орѣхъ изъ непроницаемой скор-
лупы. Ея мысли и чувства даются легко. Лиро-
эпическія стихотворенія по большей части ведутся

отъ перваго лица единственнаго или множественнаго числа, и по типу своему скорѣе всего могутъ быть опредѣлены, какъ исповѣди. Въ чемъ же ценювѣдуется всенародно нашъ поэтъ, въ чемъ суть тѣхъ интимныхъ переживаній, которыя онъ выносить намъ безъ утайки, съ прямою *настоящаго большого лирика*? Когда является новый поэтъ, мы, прежде всего, ищемъ у него тему самоопредѣленія и тему ориентировки его, новаго, въ древнемъ, до него сложившемся мірѣ. Рѣдко мы встрѣчаемъ у начинающихъ поэтовъ такое четкое, прекрасно выраженное самоопредѣленіе:

Я сошелъ къ земному долу,
Полонъ звуковъ и огня.

Откуда сошелъ, на это отвѣчаютъ стихотвореніе „Изгнанникъ“: *Изъ рая*. Если прибавить еще, что и лирика любви въ книжкѣ „Сосенъ перезвонъ“ представлена стихотвореніями такими, напр., своеобразными, какъ „Прогулка“, „Ты все келейнѣе и строже“, то содержаніе ея *нельзя уже не признать значительнымъ*. Съ формальной стороны стихи обладаютъ хорошимъ строемъ, полною звука, красивымъ чередованіемъ гласныхъ и ясно выраженнымъ движеніемъ. Дѣйствительность слова болѣе всего поразительна въ книжкѣ „Сосенъ перезвонъ“. Все, что мы слышали уже не разъ, что мы творили скупо и повторяли щедро, вдругъ пронизывается свѣтомъ, будто внутри знакомыхъ намъ словъ зажигается огонь. („Рѣчь“).

2. Н. Клюевъ приносить въ строгую размѣренную поэзію ту свѣжую струю, тотъ аромать полей и сосенъ перезвонъ, которыхъ *не знаютъ поэты-эрудиты...* среди сосенъ и полей, тамъ, гдѣ зрѣбеть нива золотая, родилась поэзія Клюева, и первое его стихотвореніе заканчивается солнечными словами жнецовъ:

И хоть смерть косой тлетворной
Намъ грозитъ изъ лѣтъ сѣдыхъ:
Онъ придетъ нерукотворный
Вѣкъ колосевъ золотыхъ.

Поэтъ слилъ свою душу съ природою, ей отдастъ свою радость и печаль, о его грусти „знаютъ вѣтеръ да ивы“. Въ его поэзію заглянули заплаканно-нищее поле, сѣрыя избы родного села, луга, перелѣски, кладбище. Въ многоцвѣтныхъ и гѣвучихъ стихахъ поэта живетъ „правды суровость“ и вѣра въ свои силы. („Современный Мір“).

3. Н. Клюевъ дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, ибо совершенно вѣрно отмѣтилъ Брюсовъ, что у Н. Клюева нѣтъ стиховъ мертвыхъ, что поэзія его жива внутреннимъ огнемъ.

Поистинѣ прекрасны стихотворенія: „Александру Блоку“. „Въ златотканые дни Сентября“. „Ожиданіе“. Дѣвичья пѣсенка изъ стихотворенія „Подъ вечеръ“... *Есть удивительныя строки во многихъ стихотвореніяхъ.* („Столичная Молва“).

4. Стихи г. Клюева ни одной своей строкой не похожи на поэзію, такъ называемыхъ „поэтовъ изъ народа“. Это неожиданно, и пріятно, и заставляетъ много ждать отъ г. Клюева. („Р. Утро“);

5. „Сосенъ перезвонъ“ не изъ тѣхъ сборниковъ стиховъ, которые, только лишь появились и уже обречены безслѣдно потонуть въ морѣ холоднаго равнодушія и общаго невниманія. Было бы жестокой несправедливостью, если бы поэзія Клюева встрѣчена была именно такъ равнодушно. Стоитъ хоть немного познакомиться съ нею, чтобы сразу же выдѣлить Клюева изъ ряда другихъ авторовъ, *чтобы сразу же почувствовать въ немъ большой талантъ*. Стихи Клюева истинная цѣнность, они должны увлечь каждого, кто любитъ и понимаетъ поэзію. Клюевъ правъ, говоря о себѣ, что онъ „пѣвучъ и многоцвѣтенъ“, что онъ „полонъ звуковъ и огня“. Его творческій духъ мыслить яркими, живыми образами, онъ обладаетъ даромъ улавливать и передавать сокровенныя душевныя движенія, постоянно мѣняющіяся въ свѣтъ бѣгѣ настроенія. Онъ сохранилъ всю прелесть, все богатство народнаго языка, народной рѣчи и полными пригоршнями разсыпаетъ эти богатства передъ нами. Властелинъ слова, онъ легко находитъ нужный ему матеріалъ для выраженія своихъ мыслей и чувствъ.

Сколько глубокаго чувства, сколько непередаваемой красоты скрывается хотя бы въ его дивной „Пѣсенкѣ во ржи“... лирика Клюева плѣ-

няетъ своей нѣжной задушевностью, сладкой до-
мительностью настроеній, заставляющей трепе-
тать *тѣ самыя струны сердца, которыя когда-
то заставляли трепетать своими лучшими ве-
щами Фетъ.* (Вѣстникъ О. Г. З.).

6. Книга Николая Клюева, зрѣлостью своей,
психологической и литературной, сразу поставила
его въ ряды видныхъ современныхъ поэтовъ. Безъ
мѣры побѣдительно кажется пѣсня Клюева! На-
ряду съ неизбежными очерками русской души и
пламенными выявленіями поэтической своей инди-
видуальности Клюевъ даетъ цѣлую вереницу смут-
ныхъ, передразвѣтныхъ ощущеній, пророчествъ,
обѣтованій и надеждъ. Невѣдомый гость, мчавшій-
ся къ малой хижинѣ, мотылекъ, становящійся
ангеломъ, шестикрылый Архистратигъ, неулови-
мые женскіе облики—все зовутъ къ свѣту и жи-
зни. Кажется мелкимъ подходить къ книгѣ Клюева
съ поэтически-литературной, въ узкомъ смыслѣ
этихъ словъ, оцѣнкой. Но что и теперь остано-
вляеть на себѣ взоръ, такъ это стихія языка. Бого-
данное чутье къ языку, къ жизни слова, только
одно можетъ привести къ синтезу, поднявъ пѣсню
до степени литературности, и въ то же время ни
чуть не повредивъ ея пѣвучести. Хранилищемъ
такого чутья, конечно, можетъ быть только самъ на-
родъ, и потому истые сыны его такъ смѣло
стряхиваютъ застоявшійся словесный обиходъ ли-
тературы и такъ легко осуществляютъ мечты
новаторовъ—теоретиковъ и практиковъ. Поистинѣ

незакатно пламя слова живого. („Голосъ Земли“).
Изъ статьи „Незакатное пламя“. Сергѣя Горо-
децкаго.

7. Когда Христосъ ходилъ и говорилъ иуде-
ямъ: „покайтесь, приблизилось царство небесное“,
люди вѣрили Ему, ибо Онъ говорилъ, какъ власть
имѣющій; — Клюевъ пламенную пѣсню зоветъ
насъ: „покайтесь, приблизилось царство небесное“.
И мы чувствуемъ, что это правда. Хотѣлось бы,
чтобы сборникъ стиховъ Н. Клюева сталъ люби-
мою книгою русскаго народа...

Стихи Клюева, это—псалтирь новѣйшихъ вре-
менъ, псалтирь голгоѣскаго христіанства.

(„Новая Земля“).

ЮНА БРИХНИЧЕВЪ. Капля крови. Ц. 20 к.

ЮНА БРИХНИЧЕВЪ. Христосъ въ міровой
поэзіи. Ц. 2 р.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ О КНИГЪ:

1. ЮНА БРИХНИЧЕВЪ. „Христосъ въ ми-
ровой поэзіи“.

Стихотворенія на темы евангельскія, собран-
ныя воедино, создали удивительную, единствен-
ную книгу. Для читателя, мало знакомаго съ ді
міногахъ нашей отечественной поэзіи, она дастъ
еще большее наслажденіе. „Бюлл. Лит. и Жизни“.

2. „Одна есть въ мірѣ красота:

Любви, печали, отреченья

И добровольнаго мученья

За насъ распятаго Христа.

Эти глубоко вѣрные слова Бальмонта прекрасно иллюстрировалъ г. Брихничевъ, собравши нѣсколько сотъ лучшихъ поэтическихъ произведеній о Христѣ русскихъ и иностранныхъ авторовъ.

Составитель справедливо полагаетъ, что книга о Христѣ въ мировой поэзіи—книга исключительная. И она не только можетъ, но и должна стать настольною у всѣхъ, любящихъ поэзію и образъ Божественнаго Учителя.

Эта книга должна сдѣлаться достояніемъ всякаго мало мальски культурнаго человѣка.

(„Раннее Утро“).

3. вмѣстѣ съ г. *Брихничевымъ* мы желали бы, чтобы составленная имъ книга была настольною книгою. („Вятек. Рѣчь“).

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

В. СВЕНЦИЦКІЙ. Левъ Толстой—русскій подвижникъ.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Книгопродавцамъ, выписывающимъ на наличныя не менѣе 10 экземпляровъ каждой книги, кромѣ „Интеллигенціи“,—33¹/₃% скидки. Налож. платежомъ не высылаются безъ задатка.

Адресъ: Москва, Пименовская 31, кв. 28,

Редакція „Новая Земля“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1912 г.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„НОВАЯ ЗЕМЛЯ“

(Органъ новаго религіозно-общественнаго сознанія).

Годъ изданія 3-й.

Временно выходитъ два раза въ мѣсяць, въ удвоенномъ форматѣ. При ближайшемъ участіи **Іоны Брехничева, Николая Клюева, В. Свенцицкаго.** Прочіе сотрудники тѣ же, что и въ прошломъ году.

Цѣна на годъ съ приложеніями 2 р. 80 коп.

Полгода 1 р. 50 к.

Годовые подписчики одновременно съ высылкою вышедшихъ номеровъ получаютъ:

1) **Николай Клюевъ**—„Сосенъ перезвонъ“ предисловіе В. Брюсова (Художественное воплощеніе новаго народнаго сознанія).

2) **Іона Брехничевъ**—„Молитвы Вселенской церкви“.

Отзывы печати о книгѣ Николая Клюева см. выше.

Изъ отзывовъ о книгѣ **Іоны Брехничева**—„Молитвы „Вселенской церкви““. Книга заключаетъ въ себѣ все поэтически—цѣнное въ области церковныхъ пѣснопѣній и художественныхъ подражаній этимъ пѣснопѣніемъ.

„Вятск. Рѣчь“.

Адресъ редакціи: **Москва, Пименовская 31, кв. 28.**

ЦѢНА 60 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Пименовская, 31, кв. 28.

Редакція „Новая Земля“.